

Эффект Веры Засулич, или Новые приключения неуловимого

*Фабула обвинения
и преступления,
оставшаяся
за кадром*

Рождение и первые шаги «банды Майорова-Шарова»

В предыдущей статье я уже высказал мнение, что вынесенный коллегией присяжных в середине августа оправдательный вердикт двум из трех подсудимых, обвинявшимся в покушении на депутата Саратовской областной думы Сергея Курихина, был вполне предсказуем. Более того, считаю данный вердикт вполне закономерным и обоснованным в силу явного несоответствия декларированного в обвинительном заключении мотива преступления реальным обстоятельствам дела.

Поэтому начать следовало бы с рассказа о том, что же представляло из

себя обвинение и как в нем увязывалась цепочка преступлений, дошедших до суда и в итоге предъявленных подсудимым. Словосочетание «дошли до суда» я использовал здесь сознательно. Дело в том, что ряд преступлений, выявленных в ходе предварительного следствия и к которым наши подсудимые имеют определенное отношение, оказались за пределами итогового обвинительного заключения. И произошло это отнюдь не случайно.

Одним из наиболее тяжких преступлений, вменявшихся в вину всем трем подсудимым, был «Бандитизм». Согласно нормам уголовного законодательства, «бандой» именуется организованная вооруженная группа, созданная в целях нападения на граждан

или организации. Статья 209 УК РФ, описывающая состав данного преступления, одновременно классифицирует участников в зависимости от их положения и роли в банде: организаторы (создатели и руководители) — часть 1; простые участники (бандиты) — часть 2. Необычность состава составившейся на скамье подсудимых по делу о покушении на Сергея Курихина «банды» просматривалась с первых шагов судебного следствия. Судите сами — в составе «банды» на одного рядового бандита приходилось двое организаторов-руководителей.

По версии обвинения, организатор банды — нижегородский бизнесмен Михаил Майоров. В советские годы Майоров был руководителем среднего

Идет процесс по уголовному делу о покушении на Сергея Курихина

звена на Горьковском автомобильном заводе. Затем стал заниматься бизнесом, работал в фирме «Нефтьгазрегион». В 2000 году, когда Нижегородской области были выделены солидные инвестиции в сельское хозяйство, Михаил Майоров стал директором одной из успешных птицефабрик и даже был избран депутатом органа местного самоуправления одного из районных муниципальных образований (в Нижегородской области они называются земскими собраниями).

Именно в это время состоялось знакомство и началось тесное сотрудничество Михаила Майорова со вторым ключевым подсудимым по делу о покушении на депутата Курихина — Николаем Шаровым. В своих показаниях

в суде Шаров назвал даже год этого знакомства — 2001-й. Если точнее, Майоров принял Шарова на работу руководителем отдела сбыта возглавляемой им птицефабрики. В реальности же, как рассказал Шаров, ему приходилось заниматься вопросами охраны и безопасности. И хотя в 2006 году Михаил Майоров предпочел оставить кресло директора птицефабрики и заняться строительным бизнесом, отношений с Николаем Шаровым он не прервал. Это подтверждают оглашенные в ходе процесса результаты расшифровки «прослушки» телефонных разговоров Шарова весной 2011 года. То есть еще до покушения на Курихина Николай Шаров попал в оперативную разработку нижегородских полицейских по какому-то другому уголовному делу. Впрочем, ничего любопытного или относящегося к криминалу в тех разговорах лично я не услышал. Как правило, телефонные звонки были очень кратки и делались с целью согласовать место и время намечаемой встречи. При этом Шаров называл Майорова «Мишаней», что свидетельствовало о дружеском, неформальном, характере их взаимоотношений. В суде обвиняемые не отрицали, что поддерживали знакомство, регулярно встречались и даже дали этому свое объяснение: их интерес был основан на взаимной любви к боевым породистым собакам — стаффордширским терьерам.

Но вернемся к фабуле обвинения. Как следует из обвинительного заключения, в начале лета 2010 года вполне до этого законопослушный бизнесмен Михаил Майоров приступил к созданию банды и привлек к своим преступным намерениям Николая Шарова. Именно в это время, как считает обвинение, в Нижнем Новгороде родилось преступное образование, которое в дальнейшем для краткости и удобства будем называть «бандой Майорова-Шарова». Беру это словосочетание в кавычки по той причине, что саратовские присяжные не согласились с версией обвинения и отвергли сам факт существования банды. Однако, по версии прокуратуры, которую в ходе процесса упорно отстаивала государственный обвинитель Ольга Чернова, банда все же существовала, и в ней имелось жесткое, иерархическое распределение функций среди участников. И чтобы понять истинную сущность произошедшего, нам волей-неволей придется следовать за логикой и фабулой обвинительного заключения.

Итак, Михаил Майоров взял на себя обязанность по финансированию банды, постановке задач другим участникам этой преступной организации, а также предоставление необходимой «разведывательной информации» и, соответственно, превращение в определенные личные предпочтения последствий нападения на людей и организации. Что же касается Николая Шарова, который, по версии обвинения, являлся непосредственным руководителем преступной организации, на его долю выпали хлопоты по обеспечению новородившейся банды оружием, специальной техникой слежения, подслушивания и связи и даже предметами конспиративной маскировки. Как следовало из протоколов обыска в нижегородской квартире Шарова, помимо различных аксессуаров из разряда шпионской электроники и

оптики, были обнаружены парик, накладные усы, борода и грим для создания искусственных шрамов. Кроме этого, исходя из логики обвинительного заключения, в обязанности Шарова также входил «поиск кадров». Именно Шаров подобрал на роль единственного рядового бандита жителя Нижегородской области Юрия Платицына, доводил до того задачи по способам и месту нападения на выбранные бандой жертвы, предоставлял огнестрельное оружие и непосредственно обучал навыкам владения этим оружием. Ну и, разумеется, обеспечивал отход киллера с места преступления. Поэтому Николаю Шарову, непосредственно руководившему действиями Платицына, также было предъявлено обвинение по части 1 статьи 209 УК РФ. То есть, по мнению следствия, он и Майоров руководили бандой. А теперь хотя бы кратко перечислим остальные преступления, выявленные в ходе предварительного следствия и предъявленные в обвинении.

Во-первых, все трое подсудимых обвинялись в незаконном приобретении, хранении, перевозке или ношении огнестрельного оружия и боеприпасов к нему, совершенных организованной группой (ст. 222, ч. 3). И это естественно. Согласно бытующему мнению, никакая серьезная банда не может существовать без собственного огнестрельного оружия. Помимо пистолета-пулемета чеченского производства «Борз», из которого Платицын обстрелял «Мерседес» Сергея Курихина, оперативники обнаружили в Нижнем Новгороде довольно солидный арсенал. Оружие хранилось в двух пластиковых бочках на пустыре, примыкающем к частному дому на улице Елецкой, 23. Этот земельный участок вместе с находящимся на нем домом был выкуплен под будущее строительство Михаилом Майоровым, а в самом доме стал проживать Николай Шаров вместе со своей гражданской женой Аленой. Как выяснилось в суде, несмотря на то, что земельный участок в перспективе подлежал застройке, а стало быть, дом шел под снос, Николай Шаров отремонтировал жилище, поставил забор на участке. Бандитский арсенал был найден за забором, но недалеко от дома: закопанный в земле тайник с оружием обнаружили с помощью служебной собаки. При вскрытии бочек в них оказались три пистолета-пулемета иностранного производства, автомат калибра 5,45 мм, револьвер «Наган» и американский пистолет «Кольт» образца 1911 года. Из образцов иностранного оружия были найдены пистолет-пулемет «AR-9» производства США, «Агран-2000» из Хорватии и чешский «Скорпион». Упомянутыми системами автоматического стрелкового оружия оснащаются войска спецназа и штурмовые подразделения. Используются они и для совершения серьезных заказных покушений. В частности, из «Агрana-2000» в ноябре 1998 года убили депутата Государственной думы Галину Старовойтову и тяжело ранили ее помощника Руслана Линькова. Что же касается пистолета «Кольт» 1911 года, это не только боевое оружие, но и серьезный антикварный раритет: условно этот пистолет может считаться почетным персональным оружием старших и высших офицеров армии

Михаил Майоров. По версии обвинения, именно он организовал банду, которая совершила нападение на предпринимателя Андрея Белова и депутата Саратовской областной думы Сергея Курихина. Оправдан присяжными

США, иногда его в качестве награды получали наиболее успешные выпускники Вест-Пойнта.

Помимо стрелкового оружия, в бочках нашли цилиндрические устройства, которые, по заключению экспертизы, являлись самодельными приборами для бесшумной стрельбы (т.е. глушители к автоматическому оружию). Здесь же в коробках, обмотанных лентой скотч, находилось более 200 патронов к автомату АК-47 и револьверу системы «Наган», а также перчатки и стреляные гильзы. В ходе осмотра и экспертного исследования найденного арсенала на ленте скотч были обнаружены два отпечатка пальцев. Как установила дактилоскопическая экспертиза, отпечатки принадлежали Николаю Шарову. Один из отпечатков оставлен мизинцем левой руки, а второй — пальцем правой руки. Этот факт, а также обнаружение схрона в непосредственной близости от дома Шарова позволили следствию считать именно этого подсудимого основным собирателем, хранителем и распорядителем найденного арсенала. Вина Михаила Майорова в преступлении, предусмотренном статьей 222 УК, по версии прокуратуры, заключалась в финансировании деятельности Николая Шарова, закупувшего оружие для банды и хранившего его на земельном участке на улице Елецкой.

Как следует из обвинения, основная цель создания вооруженной преступной организации — многоходовая комбинация, в результате которой Михаил Майоров надеялся завладеть бизнесом людей, которые, по своей воле или помимо нее, ранее становились его партнерами. Таковых, по версии обвинения, — двое. Это московский

предприниматель-мультимиллионер Андрей Белов и известный саратовский строитель, директор фирмы «Лик-М» Александр Ермолаев. Оба они стали потерпевшими в рассматриваемом уголовном деле, хотя и в разных эпизодах. И, соответственно, квалифицированных разными статьями УК РФ.

Вторым по хронологии серьезным преступлением стало разбойное нападение на предпринимателя Андрея Белова. Как считает обвинение, изначально данное преступление целиком спланировал Михаил Майоров. Первые попытки устранить Белова с использованием огнестрельного оружия «банда Майорова-Шарова» предприняла еще летом 2010 года. В это время Андрей Белов находился на территории яхт-клуба «Эдельвейс» в районе Энгельса, где стояла на приколе его 18-метровая яхта. На этой яхте, судя по показаниям Михаила Майорова, он вместе с Беловым и его друзьями совершал длительные путешествия по Волге от Астрахани до Нижнего Новгорода. Если исходить из фактулы обвинения, в июле 2010 года Николай Шаров дважды привозил в яхт-клуб киллера Платицына, вооруженного автоматическим оружием. Цель этих поездок — осуществление покушения на Белова в тихом месте. Однако по каким-то независимым от злоумышленников причинам расстрелять Белова из пистолета-пулемета не получилось. Дважды Шарову приходилось Платицына возвращать домой — в Нижний Новгород. При этом привезенный на место покушения пистолет-пулемет с собой не брали: Юрий Платицын закапывал его под забором неподалеку от яхт-клуба. В конце августа 2010 года Платицын в третий раз приезжал в Саратов с целью покушения на Андрея Белова. На этот раз он добирался на междугородном автобусе. Перед поездкой Шаров выдал «своему подчиненному» 20 тысяч рублей на личные расходы. Поджидая свою жертву и практически ночью на улице, Платицын прожил более недели в окрестностях яхт-клуба «Эдельвейс». Однако на этот раз Белов здесь не появился. Дальнейшие ожидания показали Платицыну не только бессмысленными, но и опасными. На странного вида мужчину, бесцельно слоняющегося несколько дней в одном месте, стали обращать внимание охранники клуба. Платицын решил вернуться домой, не выполнив задания главарей «банды». Для этого киллеру пришлось дожидаться, когда в Саратове пришвартуется теплоход, на котором работал его старый приятель. В результате, Платицын уехал в Нижний Новгород в служебной каюте, а перед этим откопал и забрал с собой спрятанное оружие.

В реальности же осуществить покушение на Андрея Белова, как пыталось доказать обвинение, «банде Майорова-Шарова» удалось лишь в конце года. Нападение произошло 5 декабря 2010 года в подъезде многоэтажного дома №184 по улице Горького в Нижнем Новгороде. Злоумышленник напал сзади на готовящегося зайти в квартиру Белова и нанес своей жертве удар острым рубящим предметом по голове, фактически раскроив череп, после чего сорвал с руки Белова импортные швейцарские часы фирмы

Patek Philippe стоимостью 1 млн 751 тысяча рублей и скрылся. При этом бумажник с крупной денежной суммой и мобильный телефон потерпевшего преступник не тронул. Андрей Белов чудом остался жив. Спасло его лишь искусство нижегородских врачей-нейрохирургов. Примерно через месяц после покушения, едва оправившись, Андрей Алексеевич надолго покинул Россию, уехав долечиваться в Германию. С тех пор, если верить информации, озвученной в суде адвокатом Белова, он лишь эпизодически появлялся на Родине и скрывал место постоянного проживания. В ходе процесса по делу о покушении на депутата Курихина потерпевший Белов появился в зале суда лишь под конец судебного следствия, когда государственный обвинитель Чернова демонстрировала присяжным видеозапись проверки показаний на месте обвиняемого Юрия Платицына. К тому моменту участники процесса, да, похоже, и сам судья Алексей Егоров, уже отчаялись увидеть и допросить Андрея Алексеевича. Перед появлением Белова в суд пришли два представительных мужчины в возрасте под 50, которых ранее здесь никто не видел. Незнакомцы провели в зале суда всю первую половину рабочего дня. По-видимому, это были сотрудники службы безопасности. Они имели цель проверить и оценить источники возможной опасности для своего клиента. И когда поняли, что все «чисто», сообщили об этом своему работодателю. Очевидно, Андрей Белов не исключал возможности очередного покушения или иного неприятного эксцесса даже в здании Саратовского областного суда. Но кого, спрашивается, он боялся? Все преступники были под стражей. Сотрудников суда, конвоиров и журналистов не стоило опасаться по определению. Получается, что потерпевший боялся встретиться с другим потерпевшим — Сергеем Курихиным — и людьми из его окружения. И, несмотря на настоятельные обращения адвоката Холоденко с просьбой прийти в суд еще раз для ответов на вопросы также хронически отсутствующего потерпевшего Курихина, больше в зале суда Андрей Алексеевич так и не появился.

Что же касается юридической оценки нападения на Белова, оно было квалифицировано по двум статьям Уголовного кодекса: «Разбой, совершенный группой лиц по предварительному сговору» (часть 2 статья 162 УК) и «Умышленное причинение тяжкого вреда здоровью группой лиц по предварительному сговору» (часть 3 статья 111 УК РФ). Но нас в данном случае интересует даже не фабула разбойного нападения, а его мотив. Ведь, по фабуле, злоумышленники охотились не за часами миллионера Белова. Цель нападения — желание надолго вывести Белова из рабочего состояния, дабы перехватить бразды правления его бизнесом.

В пользу такой интерпретации обвинительного заключения говорит и дальнейшее развитие событий. Оказывается, часы были нужны организатору банды Майорову лишь затем, чтобы через некоторое время после преступления вернуть их законному владельцу. Что впоследствии, в начале марта 2011 года, им было сделано. При этом, как считает обвинение, Майоров рассчитывал не только получить неогра-

ниченное доверие Белова, но и стать во главе его бизнеса. Одновременно Майоров обретал в глазах Белова имидж человека, способного достойно ответить на криминальные вызовы. И этих целей Майоров вроде бы достиг. В середине декабря 2010 года, еще на больничной койке, Андрей Белов собрал руководящий состав фирмы и объявил, что на время болезни назначает генеральным менеджером фирмы «Мониторинг-экспресс» Михаила Майорова. То есть Майоров получил должность в фирме, формально даже не являясь ее сотрудником. Здесь следует пояснить, что, согласно внутреннему корпоративному уставу, генеральный менеджер «Мониторинг-экспресс» выполнял главные распорядительные и исполнительные функции. Одновременно с должностью генерального менеджера, которую до нападения 5 декабря официально занимал Андрей Белов, в фирме «Мониторинг-экспресс», в полном соответствии с законом об обществах с ограниченной ответственностью, имелся и свой вполне законный директор. Эту должность занимал Евгений Козлов, которого зачастую называли «исполнительным директором». Тем не менее, судя по тому, что довелось услышать в суде, в ООО «Маркетинговое предприятие «Мониторинг-экспресс»» внутренний корпоративный устав превалировал над нормами федерального закона.

Какие цели преследовал Михаил Майоров? (логика обвинения)

На первый взгляд, мотив действий Михаила Майорова, сформулированный в обвинительном обвинении, кажется абсурдным. Как можно завладеть чужим бизнесом, даже не став сотрудником фирмы? Но не будем торопиться с выводами, а пока лишь отметим, что генеральный менеджер имел от своего бизнеса доходы, исчисляемые сотнями миллионов рублей. Правда, первые пятнадцать лет вторичного «развития капитализма в России» бизнес Андрея Белова носил локальный характер.

Андрей Алексеевич начинал предпринимательскую деятельность в 90-е годы в Балаково, специализировался в основном на вопросах материально-технического обеспечения Балаковской АЭС. В 2006 году Белов вместе с семьей перебирается в Саратов. Сюда же переводится офис фирмы Белова — ООО «Маркетинговое предприятие «Мониторинг-экспресс»». Следует отметить, что переезд Беловых и фирмы «Мониторинг-экспресс» произошел на следующий год, как в должности губернатора Саратовской области утвердился бывший генеральный директор Балаковской АЭС Павел Ипатов. Переезду предшествовало приобретение недвижимости в центре Саратова, без чего были бы невозможны комфортные условия жизни и работы. Для личного проживания Андрей Белов приобрел несколько квартир и половину мансарды в только что построенном элитном доме кооператива «Буй» на улице Сакко и Ванцетти (между Горького и Вольской). Для саратовского офиса «Мониторинг-экспресс» были куплены помещения на 14-м и 15-м этажах в новом высотном здании на Ильинской площади. Чуть позже в той же самой высотке, но

только на 17-м этаже, приобретены помещения для фирмы «Мастерская славянских чаровниц» супруги Белова — Елены. Как сообщал в мае 2012 года журнал «Дорогое удовольствие», «в «Мастерской» не только занимаются оздоровительной гимнастикой, медитацией, лечебными процедурами, омоложением, но и, что немаловажно, умеют организовать себе и близким полноценный отдых от напряженных будней».

Если верить показаниям Белова, именно в 2005 году, в процессе поисков необходимой недвижимости, он

денег в какие-либо прибыльные проекты. По-видимому, строительство элитной недвижимости в крупных городах показалось Андрею Алексеевичу наиболее привлекательным видом бизнеса. Но поскольку своей строительной фирмой у Белова не было, да он и не особо желал вникать в азы этого бизнеса, пришлось искать партнеров на стороне. К тому времени Александр Ермолаев готовился приступить к строительству второй очереди ЖСК «Буй». Новое 15-этажное здание должно было возвестись над окружающими строениями также на улице Сакко

Николай Шаров — друг Михаила Майорова; рядом с его домом был найден арсенал редкого стрелкового оружия и боеприпасов. По версии обвинения, именно он обучил киллера Платицына стрельбе из пулемета-пулемета «Борз» и руководил подготовкой покушения на Сергея Курихина. Оправдан присяжными

познакомился с саратовским предпринимателем, директором строительной фирмы «Лик-М» Александром Ермолаевым. Фирма Ермолаева как раз и построила элитный дом на Сакко и Ванцетти, где купили себе квартиры Беловы. Также Ермолаев имел определенное отношение к строительству высотки на Ильинской площади. Однако, судя по всему, строительный бизнес Ермолаева уже в ту пору испытывал некоторые финансовые затруднения. Как рассказал в суде Андрей Белов, вскоре после знакомства Александр Ермолаев попросил у него взаймы 3 миллиона рублей, однако этот долг вовремя отдать не сумел. В итоге в счет погашения долга Белову отошла половина 17-го этажа — те самые помещения, куда впоследствии заехала «Мастерская славянских чаровниц».

В 2006-2008 годах финансовые ресурсы генерального менеджера фирмы «Мониторинг-экспресс» Белова были столь велики, что он начал искать пути для инвестирования заработанных им

и Ванцетти, в непосредственной близости от «Буя» №1. Для этого надо было снести два двухэтажных дома, расположенных на будущей стройплощадке и отселить проживавших в них людей. Средств в фирме Ермолаева на тот момент не было. Зато эти деньги имелись у Белова. Не исключено, что совет инвестировать средства в строительный бизнес Ермолаева дал Белову его заместитель Евгений Козлов, который ранее работал в фирме «Лик-М». Так или иначе, но в итоге, если верить показаниям Козлова, генеральный менеджер Белов вложил деньги в три стройки фирмы Александра Ермолаева: вторая очередь ЖСК «Буй», ЖСК «Волжанин» в Волжском районе Саратова на улице Комсомольской и ЖСК «Молодость-94». Сам же Андрей Алексеевич, давая показания в суде, упомянул лишь два первых проекта, назвав при этом суммы: в ЖСК «Буй» Белов вложил 30 миллионов рублей, в ЖСК «Волжанин» — еще 15 миллионов.

Член банды «Майорова-Шарова» Юрий Платицын во время проверки показаний на месте рассказывает следователю Чече, как он напал на Андрея Белова. В ходе судебного процесса Платицын отказался от своих признательных показаний

Саратовом Андрей Белов не ограничился. В 2007 году он начал инвестировать в строительный бизнес Нижнего Новгорода. Этому решению предшествовало знакомство Белова с нижегородским предпринимателем Михаилом Майоровым. По показаниям Белова, ему рекомендовал Майорова как порядочного человека и опытного предпринимателя его школьный друг Олег Полищук, заместитель главы администрации Нижегородского района. В суде Белов утверждал, что познакомился с Майоровым в 2006 году, сам Майоров называл 2007 год. Верить, пожалуй, стоит Майорову, поскольку в 2006 году тот еще только начал заниматься строительным бизнесом. К моменту знакомства с Беловым особо крупных объектов у Майорова не было. Принцип его деятельности при этом был довольно прост. Приобретался участок земли или старый дом, на его месте «самостроем» (без разрешения на строительство) возводился коттедж, который впоследствии узаконивался через суд. После коттедж продавался. Очевидно, что Майоров не имел достаточно денег для строительства многоэтажных домов. После знакомства с Беловым необходимые средства появились. В Нижнем Новгороде приобрели два больших земельных участка: на улице Родионова и на улице Елецкой. Формально участки оформили на супругу Михаила Майорова Ирину — преподавателя

Нижегородского педагогического университета.

По показаниям Белова, общая сумма средств, вложенных в участки и строительство дома на Родионова, составила 90 миллионов рублей. Благодаря этим инвестициям, к 2010 году Михаил Майоров построил дом на Родионова и даже приступил к продаже квартир. Но, как стало ясно из свидетельских показаний в суде, из-за того, что дом был выстроен также без соответствующего разрешения на строительство, потенциальные клиенты просто боялись приобретать жилье. К лету 2010 года не было продано ни одной квартиры. Инвестиции Белова оказались «замороженными». Еще печальней представлялась судьба бизнеса Александра Ермолаева в Саратове: строительство вторых очередей ЖСК «Буй» и ЖСК «Волжанин» не началось ни в 2008-м, ни в 2009-м, ни в 2010 годах.

Разборки по совести и по понятиям

Конечно, первые два года выпадают на период разгара финансового кризиса, когда «замораживались» или откладывались на неопределенный срок многие строительные проекты. Однако в глазах Андрея Белова новоявленный строитель Михаил Майоров, даже в таких непростых условиях, выглядел выигрышнее и привлекательнее, чем большой профессионал Александр

Ермолаев. Так или иначе, но к лету 2010 года Белов «созрел» для принятия управленческого решения, которое окажется роковым не только для него, но и для многих участников драмы, растянувшейся на долгие три года. Завершится она лишь в конце августа 2013 года вынесением оправдательного вердикта присяжных в отношении Михаила Майорова и Николая Шарова и обвинительного приговора киллеру Юрию Платицыну.

Итак, летом 2010 года Андрей Белов перебрасывает вложенные им в Саратов деньги на строительные объекты в Нижний, курируемые Майоровым. Но реализовать на практике это решение Белову оказалось не под силу. Ермолаев вроде бы и не отказывался от взятых на себя обязательств, но стоял, как скала, и утверждал, что у него нет необходимых оборотных средств ни для продолжения строительства, ни для возврата денег Белову. Это, скорее всего, правда. Однако Белова такой ответ явно не устраивал, и он не желал мириться со сложившимся статус-кво. Дело даже дошло до угроз инициировать процедуру банкротства фирмы «Лик-М», но и это не помогло. Да и вряд ли было возможно — ведь деньги вкладывались в ЖСК, с которыми у фирмы Ермолаева были лишь договорные отношения. Поэтому «Лик-М» не мог нести какой-либо юридической ответственности по обязательствам этих жилищных кооперативов.

Андрей Белов мучительно искал выход из создавшейся патовой ситуации, не оставляя надежды вернуть вложенные 45 миллионов рублей. Генеральный менеджер провел серию консультаций с наиболее близкими ему и компетентными в бизнесе людьми. Заместитель Белова Евгений Козлов, ранее работавший в «Лик-М», рассказал о дружеских отношениях его бывшего шефа Ермолаева с депутатом Саратовской областной думы Сергеем Курихиным. Было даже высказано предположение, что Александр Ермолаев не самостоятельная фигура, а за ним и его фирмой прослеживаются интересы авторитетного депутата. Тогда Белов поручил начальнику службы безопасности фирмы «Мониторинг-экспресс» Вадиму Столю собрать всю возможную информацию о депутате Курихине. Давая показания в суде, Столь сообщил, что это задание он получил еще летом 2010 года. После Андрей Белов попросил его поделиться сведениями о Курихине и с Михаилом Майоровым, когда тот приедет в Саратов.

Для выхода из сложившейся ситуации Майоров предложил Белову свое непосредственное участие в разрешении проблем с саратовским строительным бизнесом. Майоров сразу же понял, что единственный реальный рычаг воздействия на Александра Ермолаева — угроза завладения строительной площадкой. При этом взять под контроль земельный участок, предназначенный под будущее строительство, было вполне реально: участок на Сакко и Ванцетти был передан ЖСК «Буй», членами которого являлись люди Андрея Белова. Михаил Майоров решил начать с завоевания господствующего положения в данном ЖСК, благо, по состоянию на 2010 год сотрудники фирмы «Мониторинг-экспресс» Наталья Верещагина и Максим Грушин входили в состав правления ЖСК «Буй» второй очереди. Как рассказала в суде Наталья Верещагина, кроме них членами правления «Буя» были Александр Ермолаев, Ирина Гильдебрандт (главный бухгалтер кооператива и одновременно родная сестра жены Ермолаева), а также Владимир Козлов (не путать с Евгением Козловым) и супруга последнего. Для справки: Наталья Верещагина — главный юрист фирмы Белова, Максим Грушин — управляющий саратовского представительства «Мониторинг-экспресс». Перечисленными выше членами правления на тот момент списочный состав членов ЖСК «Буй» второй очереди, похоже, исчерпывался.

При этом, как признавали многие выступившие в суде свидетели, количественный состав членов правления даже близко не соответствовал размерам произведенных финансовых вложений. Так, взнос Белова в ЖСК — 85%, а в правлении он имел лишь двух представителей, что составляло треть голосов. При этом супруги Козловы, чей вклад в ЖСК «Буй» оценивался несравненно скромнее и составлял 10%, также имели треть голосов.

В итоге Андрей Белов и Михаил Майоров договорились, что Майоров принимает на себя кураторство строительных инвестиций Белова в Саратове и пытается сдвинуть дело с мертвой точки. Данная договоренность получила юридическое закрепление. Партнеры составили и подписали договор, согласно которому Белов за

37 миллионов рублей продавал Майорову доли в саратовских ЖСК «Буй» и «Волжанин».

В реальности данный договор был нужен, чтобы Михаил Майоров получил формальное подтверждение своего нового статуса и смог использовать его во взаимоотношениях с Александром Ермолаевым. Андрей Белов проинформировал директора «Лик-М» Ермолаева, что уступил свои доли в «ермолаевских» ЖСК нижегородскому предпринимателю Майорову. А вскоре и сам Михаил Александрович появился в саратовском офисе «Лик-М». Произошло это в конце июня-начале июля 2010 года.

В показаниях, прозвучавших в ходе судебного следствия, проявился весь спектр мнений, как проходили переговоры между Майоровым и Ермолаевым. Относительно итогов этих переговоров среди участников судебного разбирательства даже к концу процесса не существовало единой позиции. Приведу выдержки из показаний в суде.

Михаил Майоров: «Летом 2010 года Белов предложил мне купить его бизнес в Саратове за сумму в 37 миллионов рублей. Здесь у Белова были приобретены земельный участок с маленьким домом на улице Сакко и Ванцетти, а также старый дом на пересечении Волжской и Комсомольской. Все эти приобретения были сделаны в расчете на будущее строительство и оформлены на Ермолаева Александра Анатольевича. Однако стройка в Саратове на несколько лет заморозилась, а у Козлова Евгения Юрьевича ничего не получалось в разруливании кризисной ситуации с Ермолаевым. Поэтому Белов сказал мне, что всю свою долю в саратовском строительном бизнесе передает мне, чтобы я нашел какой-то взаимоприемлемый выход.

Во время нашей первой встречи летом 2010 года, когда я приехал в офис к Ермолаеву, Александр Анатольевич мне сказал, что он живет по советам и понятиям. И что у него в конце 80-х годов была своя бригада. Меня такая фраза насторожила. Я понял, что Ермолаев не горит желанием переводить на меня долю Белова. Поэтому на следующую встречу с Ермолаевым я решил взять с собой человека, который, с одной стороны, мог бы стать свидетелем проходивших между нами переговоров. А с другой, при необходимости, мог бы выступить «переводчиком» с языка «понятий» на нормальный общегражданский язык».

Наиболее подходящей кандидатурой для этих целей, по мнению Майорова, был Николай Шаров. Как рассказала в суде жена Михаила Майорова Ирина, ее муж очень гордился своими отношениями с Шаровым. При этом он отмечал, что «Николай прошел Афган». Упоминание о «боевом прошлом» Шарова прозвучало и в свидетельских показаниях Белова. В частности, Андрей Алексеевич заявил, что однажды Михаил Майоров говорил, что у него есть друг Николай — «бывший ГРУшник». В других свидетельских показаниях мелькало, что Николай Шаров — «участник штурма дворца афганского президента Амина». Не знаю, был ли сам Николай Шаров в курсе, какая ге-

роическая биография ему создавалась устами Майорова, но только однажды в ходе судебного разбирательства довольно спокойный и меланхоличный Шаров с места громко воскликнул: «Ну что вы все сочиняете, ни в каком Афганистане я никогда не был!».

Что же касается второй ипостаси Шарова, то есть возможности его использования в качестве «переводчика с языка понятий», то здесь, как говорится, «теплее». В ходе судебного следствия в суде присяжных не разрешается публично оглашать сведения о личности подсудимых. К таковым относятся и информация о судимостях. Считается, что присяжные должны разбираться в сути предъявленного обвинения, а не копаться в прошлом подсудимых. Тем не менее, во время одного из перерывов адвокат Курихина и Ермолаев Валерий Холоденко продемонстрировал мне листок из материалов дела с информацией об уголовном прошлом Николая Шарова. Так вот Николай Борисович в прошлом четыре раза привлекался к уголовной ответственности. Но статьи УК не свидетельствовали о Шарове как о законченном уголовнике-рецидивисте. Две первые судимости Шаров имел по статье о незаконном хранении и обороте оружия. А поскольку ни оптовым, ни розничным торговцем оружием Шаров не был (во всяком случае, не нажил себе баснословных капиталов на этом преступном промысле), логично предположить, что Шаров просто любил оружие, приобретал и коллекционировал его, несмотря на ограничения, накладываемые законом. Не знаю, были ли Михаил Майоров осведомлен относительно уголовного прошлого своего друга, но, отвечая на вопросы в ходе судебного разбирательства, он воскликнул: «Николай Шаров был таким человеком, который мог спокойно и на равных поговорить и с генералом МВД, и с генералом КГБ, и с вором в законе!».

Но вернемся к визитам Михаила Майорова в Саратов и переговорам с Александром Ермолаевым. В суде Майоров утверждал, что второй тур переговоров, на которых также присутствовал Николай Шаров, прошел в спокойной и доброжелательной обстановке. Ермолаев без всякого нажима и давления согласился выполнить требования Майорова по вхождению того в саратовский строительный бизнес. В частности, к осени 2011 года Александр Ермолаев и Ирина Гильдебрандт покинули правление ЖСК «Буй», а Михаил Майоров стал председателем этого кооператива. Если судить по документам, произошло это в октябре 2010 года, хотя в суде Михаил Майоров утверждал, что документы были оформлены «задним числом», а в реальности он стал председателем правления кооператива «Буй» лишь в конце ноября.

После того как Михаил Александрович возглавил организацию, он начал менять «правила игры». Дело в том, что между ЖСК «Буй» и фирмой «Лик-М» существовал некий «договор о сотрудничестве», который предусматривал нормы распределения площадей во вновь построенном доме. В частности, согласно пункту 4.6 данного договора, генподрядчику (т.е. фирме Ермолаева «Лик-М») должно было отойти 68% площадей. При этом на долю ЖСК «Буй» остава-

Саратовский строитель Александр Ермолаев с 70-х годов знает маму г-на Курихина и является другом самого Сергея Георгиевича. Но могла ли эта дружба стать мотивом для преступления?

лось лишь 32%. До тех пор, пока оба упомянутых выше юридических лица контролировал Александр Ермолаев, существование данного договора было простой формальностью. Подобное распределение «шкуры неубитого медведя» ни у кого вопросов и нареканий не вызывало. Однако когда во главе ЖСК «Буй» оказался Михаил Майоров, сразу же встал вопрос о денонсации прежнего «договора о сотрудничестве» и замене его типовым договором генерального подряда. Затем в жизни Михаила Майорова и Андрея Белова стали происходить крупные неприятности. 1 декабря 2010 года неизвестные злоумышленники подожгли загородный двухэтажный деревянный дом Михаила Майорова. 5 декабря в подъезде многоэтажного дома в Нижнем Новгороде произошло разбойное нападение на Андрея Белова. По своему почерку это преступление напоминало другие, имевшие место в Саратове в предыдущие годы: покушение на Сергея Ислентьева (2006) и Вадима Рогожина (2009). А именно: в вечернее время преступник поджидает свою жертву у дверей его дома или офиса, нападает сзади при попытке войти внутрь. При этом жертве традиционно наносится удар тяжелым металлическим предметом по голове, от которого у человека раскалывается череп.

Как известно, в организации нападения на Андрея Белова органы следствия обвиняли Юрия Платицына. Сам Платицын свою вину не признал, а коллегия присяжных его по данному преступлению оправдала. Что же касается сожженного дома Михаила Майорова, в прошедшем судебном процессе это преступление вообще не рассматривалось. По-видимому, следственные органы и прокуратура посчитали, что

к членам «банды Майорова-Шарова» и их преступной деятельности данное преступление никакого отношения не имеет. Но сам Михаил Майоров придерживался иной точки зрения. Во всяком случае, давая показания в суде и парируя обвинение в организации банды, Майоров в сердцах воскликнул: «Зачем мне такой член банды, который сжигает мои машину и дом?!». Как позднее пояснил мне адвокат Дмитрий Романов, сгоревший в декабре 2010 года в результате поджога дом был не первой подобной рода потерей имущества. В апреле 2010 года неизвестные преступники сожгли автомобиль Майорова. На предварительном следствии вину в поджоге автомобиля взял на себя Юрий Платицын. Что же касается дома, здесь показания Платицына уклончивы. Юрий Борисович заявил, что Михаил Александрович сам знает, кто и за что сжег его дом. Однако, как видим, Майоров считал Платицына виновником обоих поджогов. Так или иначе, но при рассмотрении уголовного дела в отношении «банды Майорова-Шарова» обвинение в умышленном уничтожении имущества Михаила Майорова никому из подсудимых не предъявлялось. Оно и понятно: ведь сам факт признания Юрием Платицыным хотя бы одного из этих поджогов сразу же ставит под сомнение ключевой пункт обвинения — создание банды. Причем не простой банды, а которая с оружием в руках охотится на успешных предпринимателей и депутатов областной думы.

Заступался ли Курихин за Ермолаева?

Для объективности необходимо рассказать, как, по показаниям другой стороны (директора фирмы «Лик-М» Александра Ермолаева и главного бухгалтера кооператива «Буй» Ирины Гильдебрандт), развивался конфликт вокруг строительства второй очереди ЖСК «Буй». В этой связи считаю уместным обратить внимание читателя на некоторые реплики, прозвучавшие в ходе процесса из уст адвоката Валерия Холоденко.

Александр Анатольевич Ермолаев утверждал, что «наезды» на его фирму «Лик-М» и психологическое давление на него лично со стороны представителей фирмы «Мониторинг-экспресс» началось примерно за год до того, как Михаил Майоров в сопровождении Николая Шарова появился в его офисе. Попытки «вытащить» свои деньги, ранее вложенные в строительный бизнес Ермолаева, начались еще в 2009 году. Поначалу переговоры об этом с Ермолаевым вел «исполнительный директор» фирмы «Мониторинг-экспресс» Евгений Козлов.

Из показаний **Александра Ермолаева**:

«В 2009 году меня проинформировали, что Андрей Белов задолжал серьезным людям в Нижнем Новгороде крупные деньги и должен их вернуть. Получить эти деньги lidí Белова хотели с моей фирмы. В частности, Козлов Евгений Юрьевич предложил мне провести финансовое оздоровление фирмы «Лик-М». В реальности это означало, что я должен был сам инициировать процедуру банкротства своей фирмы. Тем самым удалось бы найти денег для покры-

тия долгов Белова, но при этом были бы обмануты «пайщики», которые через мою фирму покупали квартиры в строящемся доме. Пойти на такую операцию я не мог. Тогда последовали угрозы инициировать банкротство фирмы «Лик-М», а меня посадить в тюрьму. Но козла и это не помогло, Козлов пригрозил, что «приедут крутые люди из Нижнего Новгорода» и сделают нам «бо-бо».

А в декабре 2009 года Белов устами Евгения Козлова передал нам свое решение реорганизовать все свои вложения в строительный бизнес в Саратов на Михаила Майорова. Ранее я мельком видел Майорова в 2009 году на презентации нового офиса фирмы «Мониторинг-экспресс». Со своей стороны ответил, что не имею ничего против такого решения и готов осуществить необходимые юридические формальности. Но для этого мне нужно получить нотариально заверенную доверенность на производство таких действий. После чего ждал, когда люди Белова принесут мне такую доверенность».

Следом за доверенностью в офисе Ермолаева появился и Михаил Майоров. Произошло это в июне 2010 года. Сначала, как утверждал в суде Ермолаев, Майоров вел себя более или менее корректно, но потом с его стороны посыпались угрозы.

Из показаний **Александра Ермолаева**:

«Майоров по сути своей не строитель. В 2001-2003 годах он был собственником и генеральным директором птицефабрики. Потом руководил комбикормовой фабрикой, а затем транспортной компанией. И лишь потом занялся строительством. Интерес Белова к этому человеку заключался в том, что Майоров был именно тем, кто ездил к чиновникам Минатома и выполнял конфиденциальные поручения Белова.

Во время наших переговоров Майоров искал возможность «вытащить» деньги Белова из саратовскихстроек либо получить взамен ликвидное имущество. Я, в свою очередь, предлагал ему за долю в ЖСК «Буй» свой офис на Сакко и Ванцетти, половину 17-го этажа в «башне» на Ильинской площади. Майорова это не устраивало — помимо руководства в ЖСК «Буй», он хотел завладеть отселенным домом на углу Волжской и Комсомольской.

Договариваться с Майоровым о чем-то было крайне сложно. Он выдвигал какое-либо предложение, мы шли ему навстречу, начинали это предложение прорабатывать и готовиться к его реализации. Майоров довольный уезжал к себе в Нижний Новгород. А когда в очередной раз вновь приезжал в Саратов, о прежних договоренностях как бы забывал и выдвигал новые претензии. При этом вел себя достаточно агрессивно. Однажды даже в сердцах воскликнул: «Вас что здесь перестрелять что ли всех!».

После подобных угроз Ермолаев счел за благо обратиться в полицию. Чтобы оценить, насколько эти угрозы серьезны, на следующем этапе переговоров, по инициативе Ермолаева, присутствовал важный чин из област-

ного ОБЭП по фамилии Родькин. По-видимому, Майоров и Родькин произвели друг на друга благоприятное впечатление. Во всяком случае, спустя некоторое время их контакты продолжились за пределами офиса фирмы «Лик-М»: Михаил Майоров приходил в здание областного ГУВД советоваться и консультироваться. И один из животрепещущих вопросов, который интересовал нижегородского гостя, — кто такой Сергей Курихин и чего от него следует ожидать. Родькин вроде бы пояснил Майорову, что есть в Саратове такой человек, который постоянно ездит по городу с вооруженной охраной. «А вот и он сам», — с этими словами Родькин якобы подвел Майорова к окну своего служебного кабинета, выходящему на Городской парк, и указал на кортеж из двух черных машин, сворачивающих с улицы Чернышевского на 1-й Вакуровский проезд. Вообще важно понять, как и почему у Майорова возник интерес к личности депутата Курихина. Вот что об этом рассказал **Александр Ермолаев** в суде:

«О нападении на Андрея Белова я узнал от сотрудников фирмы «Мониторинг-экспресс», Евгения Козлова, жены самого Белова. После покушения на Белова Майоров совсем распоясался, хотел забрать все мои строительные площадки. На что я ему сказал: «Михаил, ты не прав! У меня здесь есть хороший друг Сергей Курихин. Он является депутатом Саратовской областной думы и у него есть мощный медиа-ресурс. Мне здесь помогут!».

Ранее в своих показаниях Ермолаев рассказывал, что знаком с семьей Курихиных с середины 70-х годов прошлого века, когда после школы пришел работать на Саратовский приборно-механический завод. Там же работала и мать Сергея Курихина — так и познакомились. Ермолаев стал бывать в гостях у Курихиных, которые в то время проживали в частном доме на улице Шелковичной. Через некоторое время Ермолаева призвали в армию. Отслужив положенное на флоте, Александр Анатольевич больше не вернулся на родной завод, а предпочел стать профессиональным строителем. При этом он поддерживал дружеские отношения с Курихиными. Несмотря на то, что Ермолаев старше Сергея Курихина на 15 лет, они иногда встречаются в неформальной обстановке. При этом Александр Ермолаев и возглавляемая им фирма входит в «Союз застройщиков» — общественную организацию, инициатором и неформальным лидером которой является Сергей Курихин.

Но вернемся к приведенным выше показаниям Ермолаева. Если следовать изложенным в них фактам, получается, что о существовании Сергея Курихина, о том, что он друг Ермолаева и стоит за строительным бизнесом последнего, Михаил Майоров узнал лишь весной 2011 года. А теперь сопоставьте эти факты показаний с чеканной формулировкой обвинительного заключения, объясняющего публике и присяжным заседателям мотив самого громкого преступления из того «букета», что вменялся в вину подсудимым на процессе: **«Майоров решил убить Курихина, чтобы отстранить Ермолаева от руководства ЖСК «Буй».**

Очевидно, что суть этого ключевого пункта обвинительного заключения противоречит фактическим обстоятельствам, которые со всей очевидностью всплыли в ходе судебного разбирательства. Ведь Михаил Майоров стал председателем правления ЖСК «Буй» в октябре или ноябре 2010 года. А покушение имело место в начале июня 2011 года. Как видим, цель покушения на Сергея Курихина, которая сформулирована в обвинительном заключении, была достигнута Майоровым за 6-7 месяцев до самого покушения. С точки зрения формальной логики, формулировка обвинения выглядит абсурдной. Поэтому стоит ли удивляться, что присяжные, что называется, «под чистую» оправдали Михаила Майорова.

Да и сам Майоров, несмотря на показания в суде свидетелей Столя, Родькина и потерпевшего Ермолаева, до самого конца процесса продолжал настаивать, что о существовании саратовского депутата Сергея Курихина он услышал лишь после покушения на последнего. В мою память врезалась фраза, которую обронил Михаил Майоров, выступая с заключительной репликой в самом конце процесса: **«Если бы я знал о существовании Сергея Георгиевича Курихина и о том, что он стоит за бизнесом Ермолаева, дом на Сакко и Ванцетти давно бы был достроен. Я знаю, что такое «прижаться к власти» и как это отражается на бизнесе».**

Удивительно, но эта реплика в чем-то созвучна показаниям в суде самого Сергея Курихина. Отвечая на вопрос адвоката Валерия Холоденко, помог бы Курихин Ермолаеву, если бы тот обратился к нему с такой просьбой, Сергей Георгиевич ответил утвердительно. При этом пояснил, что в случае необходимости он, несомненно, использовал бы для защиты Ермолаева свой «медийный ресурс».

Из этого ответа однозначно следовало, что Сергей Курихин не только никак не заступался за Ермолаева, но и о существовавших у того проблемах с Михаилом Майоровым узнал лишь в ходе следствия.

Получается парадоксальная ситуация. С одной стороны, Михаил Майоров организует вооруженное покушение на депутата, о существовании которого он, по его словам, ничего не слышал. А Сергей Курихин подвергается смертельной опасности и лишь чудом остается жив из-за гипотетической возможности своего участия в бизнес-конфликте, о существовании которого он узнает лишь после покушения. Очевидно, что, выслушав подобные откровения Сергея Георгиевича, присяжные могли посчитать, что их держат за дураков, и обидеться за это как на представителя государственного обвинения, так и на вооруженного депутатским мандатом владельца опасного «медиа-ресурса». В конце концов, их обиды и недоумение выразились в провозглашенном вердикте.

Многое в мотиве произошедшего покушения до поры до времени оставалось неясным и для вашего покорного слуги. Однако журналисты, в отличие от присяжных, имеют право общаться с участниками судебного разбирательства и вне процесса — в кулуарах. И вот, разговарившись во время одного из перерывов с Александром Ермолаевым, я услышал от него фразу, ко-

торая многое объясняла: «Курихина хотели убить за то, что он за меня заступился!». То есть в частной беседе потерпевший Ермолаев признал, что факт «заступничества» со стороны Сергея Георгиевича все же имел место. Очевидно, что мне следовало бы поинтересоваться у Александра Анатольевича, в чем же это заступничество проявилось. Но поскольку сторона потерпевших этот факт отрицала, я побоялся, что подобный вопрос насторожит Ермолаева, он замкнется и прекратит разговор. Поэтому я сформулировал свой вопрос иначе:

«А что, разве у Курихина была необходимость за вас заступиться? Ведь вы во всем шли на уступки Майорову. Поставили его во главе ЖСК «Буй», переписали на него недвижимость, вели переговоры об изменении в договоре о сотрудничестве. И даже вообще были готовы заменить его договором подряда...». Я немного утрировал, но Ермолаев прекрасно понял, о чем речь. Его ответ выглядел примерно так:

«Михаил Майоров намеревался завладеть перспективными стройплощадками. И со своей стороны принял меры, чтобы этого не случилось. На стройплощадке на Сакко и Ванцетти один из подлежащих сносу маленьких домов принадлежал мне. Без согласия собственника невозможно было его снести и начать строительство. В подлежащем сносу доме на Волжской мне также принадлежали помещения, в которых работал магазин «сэконд хэнд». Поэтому начать строительство на этих площадках без моего участия у Майорова все равно бы не получилось».

Очевидно, что факты, о которых мне поведал Александр Анатольевич, рано или поздно стали бы известны Михаилу Майорову. Поняв, что саратовские «партнеры» довольно долго водили его за нос, с учетом опыта предыдущего общения можно было ожидать от Майорова какой-либо скандальной выходки. Вспомним, как когда-то отреагировал на происки «курихинцев» ныне покойный директор завода «Серп и молот» Алексей Максимов. Он явился в ресторан «NB» на улице Вольской, пользующийся репутацией «вотчины» и традиционного места отдыха депутата Курихина, и стал там скандалить. В результате получил уголовную судимость и был ославлен во «Взгляде» как дебошир.

В данном случае Михаил Майоров также был на грани нервного срыва. Как рассказала в суде свидетельница Ирина Гильдебрандт, после того как в апреле 2011 года было получено официальное разрешение на строительство на улице Сакко и Ванцетти нового 15-этажного жилого дома, Майоров забрал этот документ себе и увез его в Нижний Новгород. Объяснить смысл подобного поступка чем-либо иным, нежели очевидным желанием нагадить Ермолаеву и стоящему за ним Курихину, я затрудняюсь. В дальнейшем конфликт нижегородского бизнесмена и саратовских застройщиков из-за двух перспективных стройплощадок стал развиваться по сценарию, довольно хорошо известному по делу об убийстве прокурора Саратовской области Евгения Григорьева.

(продолжение следует)